Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Пантера

Наталья Корнилова

Шестое чувство

«Эксмо»
2002

Корнилова Н. Г.

Шестое чувство / Н. Г. Корнилова — «Эксмо», 2002 — (Пантера)

Ночь в незнакомом городе, кладбище и разрытая могила… Да, странное, нелепое и кровавое дело расследует Мария, сотрудница детективного агентства. Все указывало на то, что убийца известного ученого Горового – не кто иной, как Дима Белосельцев, похороны которого состоялись за две недели до этого преступления. Что увидит сейчас Мария, когда крышка гроба будет наконец открыта?.. Она почувствовала, как все ее существо охватывает слепой страх. Но и на кладбище надо бояться только живых… Мария чудом осталась невредима: шестое чувство, звериный нюх дремлющей в ней пантеры снова пришли ей на помощь. Ведь у кошки девять жизней это известно всем…

© Корнилова Н. Г., 2002
© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог с окнами 5
Безграмотный пролог 8
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Наталья Корнилова
Шестое чувство

Пролог с окнами

Вечерние сумерки царапали оконное стекло, словно сам склонявшийся к ночному покою вечер просился на ночлег в большую, со старомодными тяжелыми шторами комнату. Сидящий за столом человек вздрогнул и поднял голову. Нет, это во дворе падали листья, ветер закручивал их в осеннюю карусель и швырял в московские окна.

«О-он мне дорог с ранних лет, и его яснее нет… м-масковских ока-а-ан негасимый свет!..» – неимоверно фальшиво вдруг пропел человек, сидящий за столом. – Нервы разгулялись что-то, н-да… – Он был почтенных лет, и потому эта манера говорить с самим собой вслух, кажется, вошла у него в привычку. – Непонятно мне… непонятно.

И он снова углубился в работу.

Минуты шли, слагаясь в часы. Человек склонялся над бумагами, лежащими у него на столе, кряхтя и бормоча, и в пространство комнаты один за другим выцеживались слова: «соматический», «вирулентность», что-то про «каскадный метод» и даже – «эйдетическая психооснова». Тем временем пробило два часа ночи. Кукушка из настенных часов прокуковала, сложила крылышки и, обидевшись на непонятные слова, которые носились в воздухе комнаты, камнем провалилась на место. Человек за столом сидел не разгибаясь еще пятнадцать минут, потом стал протирать очки и наконец удосужился взглянуть на циферблат, за которым притаилась обиженная механическая кукушка.

– Уф-ф… – выдохнул он, округлив щеки. – Пора баиньки…

Старый человек встал из-за стола, разминая затекшую спину и шею. Ему неожиданно показалось, что в комнате сквозняк. Он прекрасно сознавал, что сквозняк в его тщательно закупоренной квартире – это не меньшая редкость, чем, скажем, привидение. Призрак покойной жены, например. Или старого друга, генерала Поземова, жившего тут по соседству. Поземов… «Поземов. Тоже человек был… большой человек», – подумал старик и тут же поймал себя на ощущении, что снова говорит вслух.

– Безобразие, Владлен Моисеевич! – громко выговорил он. – Тут вам не там. Перестаньте болтать и немедленно ступайте спать! А то с этим ненормированным рабочим днем вполне можно и… И так здоровье ни к черту!

Он в последний раз мельком проглядел листы, веером раскиданные по столу, озабоченно выдохнул: «Экая жалость… как раз сейчас, когда самая важная стадия… черт бы его!..» – и стал складывать их в толстую старую папку с плохо гнущимися, словно одеревенелыми, завязками. В углу комнаты, как ненужная мебель, стояли комплектующие компьютера, но Владлен Моисеевич пользовался им только в исключительных случаях. Он по старинке не доверял электронике и самые важные свои документы хранил на бумаге, в папке, в сейфе, стоявшем за одной из портьер. А на компьютере он практически не работал, больше играл. Причем в одну и тут же игру – «Championship Manager-2001/02». Старик был большим любителем футбола и играл за «Манчестер Юнайтед». Виртуально, конечно. Приходившие к нему визитеры, застав его со счастливым лицом, могли не сомневаться, что он радуется только по одной причине: купил в свою виртуальную команду очередного звездного игрока. Ничто другое не вызывало на сухом, носатом, с дряблыми старческими веками лице Владлена Моисеевича Горового эмоций. Больше этой, настоящей, жизни его радовала виртуальная возня с футболистами.

Он вообще всю жизнь работал с людьми так, словно они были не живыми, одушевленными персонами, а вот этим – слабым их подобием в виртуальности. Такая работа. Владлен

Моисеевич никогда не распространялся о своей работе, о содержании тех бумаг, которые он положил в сейф. Даже его коллеги порой натыкались на стену недоверия, хотя все то, что старик, упрямствуя, не хотел, как говорится, «светить», было прекрасно им известно.

Владлен Моисеевич спал в своем кабинете. У него были и спальня, и гостиная, принадлежавшая ему квартира, которую он занимал один, вообще была огромна, но старик любил спать на узкой кушетке в кабинете. Хотя в спальне стояла внушительная двуспальная кровать.

Сопя, он улегся на кушетку, поджимая под себя сухие белые ноги. Из головы не шло имя, с которым были связаны все сегодняшние проработки, аналитические пробы и… многое другое. Владлен Моисеевич был настолько скрытен, что кое-что скрывал даже от самого себя.

Как же такое могло произойти? Ведь контроль был отлажен по лучшим стандартам КГБ. И тем не менее… тем не менее. Нужно было вести барражирование… да, на случай непредвиденных обстоятельств.

Старик закряхтел и перевернулся на другой бок. Сон не шел. Он словно находился неподалеку, на расстоянии протянутой руки… у окна, завернувшись в темную, чуть колышущуюся портьеру. Но упорно не желал снизойти к Владлену Моисеевичу, чтобы старый человек – один в огромной квартире – заснул.

Портьеры!..

Только сейчас Владлен Моисеевич понял, что портьеры ну никак не могут колыхаться в этой комнате с наглухо закрытыми окнами. Старик застонал и вскочил с кушетки, но тут его словно схватили за горло… Он закашлялся, вцепившись пальцами в собственную шею. Ему показалось, что его кто-то душит. Но нет… нет. Просто в легкие Владлена Моисеевича Горового попал свежий ночной воздух, которого отродясь не было в его кабинете даже в теплые летние ночи, не говоря уж о теперешних, сентябрьских.

Старик шагнул к окну, портьера шевельнулась и словно бы устремилась ему навстречу. Владлен Моисеевич поджал губы и сухо выговорил:

– Это безобразие! Что вы себе позволяете? Ночью!..

– Совершенно верно, Владлен Моисеевич, – ответили ему почти шепотом. – Это совершенное безобразие с моей стороны, как вы любили говорить.

– Я и сейчас так говорю, – возразил старик. – Это вы приоткрыли окно?

– Мне показалось, что в вашем кабинете несколько спертый воздух.

– Почему вы…

– Одну минуту, Владлен Моисеевич. Сегодня теплая ночь. Нет-нет, не включайте света. Станьте к окну. Правда, сегодня ночью тепло?

– Дурацкие выходки! Между прочим, я был уверен, что вы не будете дурить. Я вас ожидал.

– Ожидали! Так как там насчет бумаг, Владлен Моисеевич?

Старик поднял седые кустистые брови:

– Как, вы… из этих?

– Вот именно, Владлен Моисеевич. Так что насчет документов на куплю-продажу?

– Я и не думал, что ты на такое способен. Ладно. Насчет бумаг: я уже сказал, что это бесполезно! А вот теперь насчет тебя. Это нехорошо, что ты…

– Это очень плохо, драгоценный мой Владлен Моисеевич, – перебили его. – Речь не обо мне, речь о вас. И я говорю: очень плохо.

Старик хотел что-то ответить, но тут он вдруг почувствовал, что в его ушах поднимается высокий звенящий звук. Так у него бывало при вспышках раздражения, при повышении давления… Владлен Моисеевич кашлянул, подавшись вперед, и тут же складки портьер скользнули к его ногам, и старик понял, что на его щиколотках сжимается кольцо чужих пальцев. Владлен Моисеевич хотел сказать, что не нужно таких фокусов, что у него к ночи распухают суставы и что это возрастное, до известной степени нажитое сидячим образом жизни… Но

тут он устремился вверх с силой, которую не могли сообщить ему его слабые, отечные в щиколотках ноги. Он перевалился через подоконник со слабым щенячьим стоном и увидел, что в десяти или более метрах под ним ходит волнами черная земля.

Владлен Моисеевич понял, что его просто-напросто выкидывают из окна и нельзя этому никак помешать.

Старик закрыл глаза, попытался уцепиться немеющими пальцами за подоконник, но тут его рванули так, что Горовой вывалился из окна.

Вспороли воздух, принимая тело и снова разгибаясь, ветви деревьев. А еще ниже старика ждали металлические прутья ограды… В московском дворе опять стояла тишина. Но вот возник глухой и тоскливый звук, льющийся волнами, один наплыв за другим.

Это выла собака.

…А в кабинете Горового человек сжал пальцами виски, скорчился, как от страшной боли, и стал раскачиваться взад-вперед… Нижняя губа безвольно отвисла, и с нее, как ниточка слюны, тянулась цепочка, казалось бы, бессмысленных слов:

– Человек… невидимка… справка… де-ге-не-рат.

Безграмотный пролог

Наверна это потому, што, я такой глупый. Я помню кагда еще в школе я рисавал салдатеков в пропеси а учитиль сказал што я придурак потомушто нужно не рисавать а писать буквы. Ты еще сказал мне што с тех пор я непоумнел и что я никогда неперестану ходить на могилу катенка которово ты случайно убил насосом для сваей машины. Ты еще гаварил, што, я как последняя баба плакал и просил палажить ему мертваму катенку, который, штобы у него была рыба и малако. Ведь людям пакойникам кладут на магилы жолтыи и синии яйцы и цветы а одна, карова, жевала. Значыт это можно есть.

Ты сказал мне папа, што, ты мне гаварил я постоянно в детсве сгонял с падаконика чилавека нивидимку. Я его боялся плакал и говорил, што, кагда я адин и начинаю хатеть спать он подходит комне и кладет халодные пальцы, на мою, наголову и приговаривает: не спи замерзнешь тупой дурачок. А нидавна я увидел иво на падаконике и толкгнул. Все ночь выли пад акном и по асвальту были крававые пятны.

Он тоже гаварил, што, я длинное слово ты гаварил низапомню. Дигинират.

Глава 1

– Дети – цветы жизни, – глубокомысленно изрек Родион Потапович, вычеркивая из бюджета нашего многострадального детективного бюро «Частный сыск» очередную сумму на подарок своему сыну Потапу, которого я в последнее время иначе чем Потоп не именовала. Причем всякий раз приставляла к этому сомнительному наименованию пышный эпитет «всемирный».

А что? Если учесть, сколько денег тратил мой босс на нужды своего обожаемого чада, то последствия этого для бюджета нашей фирмы, отнюдь не резинового, были вполне сравнимы с упомянутой библейской катастрофой.

– Босс, я думаю, что мягкая игрушка «Говорящий пингвин с органайзером и редупликатором яичной кладки» размером метр на два метра вашему отпрыску в ближайшие восемьдесят лет не понадобится, – на одном дыхании выговорила я, подумав, что зря я это сказала: ведь возьмет Родион Потапыч да и пойдет искать этого самого «пингвина». – Вот когда ваш сын вырастет, состарится, впадет в маразм и будет ходить под себя с тем же ошеломляющим успехом, как он это делает сейчас, вот тогда, быть может, все то, что вы ему сейчас покупаете, будет кстати.

– Что? – тут же поднял голову босс. – Опять злопыхаешь, Мария?

– Злопыхаю? – возмутилась я. – Злопыхаю не я, а тот чудовищный электронный паровоз, который вы купили вашему Потопу! Вот тот не только злопыхает, а и катается по всей конторе, выезжая из самых неожиданных углов… У него там, видите ли, мини-компьютер!

– Паровоз?

– Мальчишке только чуть больше года, а вы купили ему того чудовищного слона с крутящимся хоботом! В прошлый раз, когда вы его пробно включали, он перевернул миску этого отвратительного пса Счастливчика и навертел на хобот новую занавеску, которую Валентина, кстати, только повесила!

– Н-да? – мутно процедил босс, очевидно, плохо слыша, о чем, собственно, я говорю. Потом почесал в вихрастом затылке и повторно изрек сакраментальное:

– Дети – цветы жизни, моя дорогая Машенька.

– Почему-то все произносят только первую часть этой фразы, начисто забывая о второй, – ядовито сказала я. – Так что вы, Родион Потапыч, не особо усердствуйте.

Мой дражайший босс, г-н Шульгин, поднял голову и недоуменно посмотрел на меня поверх очков:

– Какая еще вторая часть фразы?

– Полностью эта фраза, – медленно проговорила я, – звучит следующим образом: «Дети – цветы жизни на могилах своих родителей».

– М-м-м… да?

– Да.

Родион Потапович, в очередной раз неприятно удивленный моей осведомленностью в сфере словесности, снял очки, протер их, потом положил на стол и, подслеповато щурясь на меня, произнес:

– По-моему, Мария, тебе нужно отдохнуть.

– Сказал босс, подписывая приказ об увольнении, – прокомментировала я.

– Нет. Просто последний раз, мне кажется, ты имела полноценный отдых… гм…

– Да, давненько это было… – вывела я из затруднения Родиона Потапыча.

– Тем более, – сказал босс. – Так что, я думаю, тебе будет нелишним немного развеяться.

– Да, босс, вы же собирались сходить в загс и подать заявление о переименовании отпрыска? Вы еще признали, что погорячились, когда назвали сына в честь вашего батюшки.

Родион Потапович неопределенно пожал худыми плечами и вынул из стола тисненую флягу со своим излюбленным коньяком. Это означало лишь одно: не мешай, и без тебя проблем полно. Например, где купить такие памперсы, которые не требуют… так сказать…

Я шумно вздохнула и вышла из кабинета босса.

* * *

Все мне изрядно надоело, и, так как работы пока что не предвиделось, да и не было особой необходимости в ее наличии, благо денег на счетах было прилично, я решила уехать из родной столицы туда, где, как говорится в бессмертной комедии, «оскорбленному есть чувству уголок».

Карету мне, карету!

Карета не карета, а вот элегантная машина цвета «мокрый асфальт» подъехала к дверям нашего офиса в тот момент, когда я уже собиралась покинуть его. Из машины некоторое время никто не выходил, словно владелец иномарки, скрывающий свой лик за тонированными стеклами, тщательно оглядывался по сторонам, прежде чем выйти: а куда это, собственно, он попал?

Я шла мимо автомобиля, когда наконец его владелец подал признаки жизни и высунул из окна большую голову с неаккуратно торчащими седеющими волосами:

– Девушка!

Возглас определенно был обращен ко мне. Мужчина повторно окликнул меня, а потом и вышел из машины. Он неловко взмахнул руками, попав носком ботинка в выбоину в асфальте, при этом его широкое лицо с большими, в неуклюжей оправе, очками, за стеклами которых поблескивали подслеповатые небольшие глаза, забавно перекосилось. Глаза и неуклюжая оправа, а также мешковатого покроя брюки и мятый пиджак не соответствовали элегантности той машины, которую мужчина припарковал у нашего офиса.

Кого-то он мне напоминает? Я даже остановилась, чтобы припомнить, кого именно.

– Девушка, – в третий раз обратился ко мне мужчина и продолжил: – Я ищу… мне сказали, это где-то здесь.

Объяснение было исчерпывающим.

– Вам, наверно, к парикмахеру? – весело предположила я, рассматривая его прическу. Мужчина покачал головой. Кого?.. Кого напоминает? Уж не коварного ли фээсбэшника Кирилла Петровича Куприна, который едва не списал на моего босса взрыв подмосковной птицефабрики, после чего перья летали по всей округе, как тополиный пух? Да нет…

– Я ищу детективное агентство «Частный сыск», – неожиданно четко сказал он. – Мне рекомендовали. Где-то тут…

– Значит, вам не к парикмахеру, – выдохнула я, внезапно вспомнив, кого он напоминает мне. Лохматого полусумасшедшего профессора из какого-то американского фильма. В таких же очках и передвигающегося такими же порывистыми скачками, как мустанг со спутанными ногами. Правда, ученые не ездят на таких машинах. По крайней мере, в нашей стране.

– Вы подскажете?..

– Конечно, – ответила я. – Я сама работаю в этом детективном агентстве.

* * *

Посетитель опустился на диван и стал крутить головой по сторонам. Лобастая кудрявая голова босса покачивалась над коротенькой линией узких плеч, и рассеянный взгляд скользил по полускрытому очками лицу нашего несколько странного гостя. Наконец Родион Потапович заговорил:

– Я детектив Родион Шульгин. Слушаю вас.

Посетитель кашлянул и выпалил:

– Я к вам по не совсем обычному делу. Я, можно сказать… так что вы не удивляйтесь.

– У меня был один знакомый дантист, – сказал Родион невозмутимо, – так вот, ему постоянно попадались пациенты, которые усаживались в стоматологическое кресло и начинали уговаривать моего знакомого не ужасаться тому, что он увидит у них во рту. Как он ни уверял их, что это его профессия и он на своем веку повидал всякое, пациенты упорствовали и извинялись, дескать, им очень стыдно – нельзя так запускать зубы.

Босс многозначительно умолк. Посетитель, кажется, не очень понимал, что хотел сказать ему Родион.

– Я не очень… – начал было он, но сам же оборвал себя, потому что Родион смотрел на него с откровенным лукавством. Что не мешало ему через секунду принять непроницаемо серьезный, невозмутимый вид, с каковым он, бывало, отчитывал пса Счастливчика за съеденную губную помаду. Помада принадлежала, разумеется, не Родиону, а либо мне, либо жене босса, моей старой подруге Валентине, но это обстоятельство не мешало моему начальнику говорить псу «моя помада».

– Простите, что я перебил вас, – серьезно выговорил Родион Потапович. – Просто вы сказали: «не совсем обычное дело». Уверяю вас, что последний раз по обычному делу сюда приходил банкир Гурвич, который просил найти вставную челюсть его супруги, стоимостью пятнадцать тысяч баксов. Я отказал. Ну ладно, что-то я все на стоматологическую тему. Слушаю вас. Представьтесь, прошу вас.

– Меня зовут Сергей Георгиевич. Белосельцев. Но я не по поводу челюсти, нет. (Я едва сдержала ироническую усмешку.) У меня пропал сын. Его зовут Роман. Он… знаете, он служил в армии. Все так странно…

Сказав это, он надолго замолчал. Я сочла возможным заговорить:

– Ну что же, служба в армии – это вовсе не так уж странно.

– Он у меня… такой, – произнес Сергей Георгиевич. – Просто… мне тяжело говорить. Они на одно лицо, и потому… когда Димы не стало, Роман воспринимался как-то особенно болезненно.

По его лицу пробежала судорога. Было видно, что слова даются ему с большим трудом. Родион Потапович с выражением легкого сожаления на лице подпер щеку ладонью и терпеливо смотрел на Белосельцева, который ерзал на диване, словно снедаемый постоянной болью. Я сказала мягко (сколько раз уж приходилось уговаривать клиентов успокоиться, порой обращаясь с ними так бережно, словно это малые дети):

– Сергей Георгиевич, я понимаю, что вам тяжело говорить, но тем не менее постарайтесь сосредоточиться, взять себя в руки. Если хотите, курите, вот пепельница. Выпейте воды. Покрепче не предлагаю, вы же за рулем.

– Да, конечно, – выговорил он, принимая от меня стакан с водой, и его зубы звякнули по стеклу раз и другой, когда он тремя крупными судорожными глотками проглотил все содержимое стакана. После этого Сергей Георгиевич несколько успокоился. Пригладил руками всклокоченные волосы. Начал быстро, словно опасаясь, что его перебьют:

– Мне рекомендовали вас как одних из лучших частных детективов в Москве… а может, и самых лучших. Конечно, это дорого, я знаю, вы немало просите, но у меня теперь есть деньги, научился зарабатывать… будь они прокляты. – Он втянул воздух носом, наверно, восстанавливая дыхание, и мне почему-то подумалось, что у нашего посетителя медицинское образование.

Как оказалось чуть позже, моя догадка подтвердилась.

– Разговор не о деньгах, – спокойно сказал Родион Потапович, комкая в пальцах какую-то бумажку. – Это определим позже, когда выясним, сможем ли мы взяться за ваше дело. Впрочем, мы редко кому отказываем, очень редко… Но готов заверить вас, Сергей Георгиевич,

что мы профессионалы и что все, что сказано вами в этом кабинете, дальше нас с Марией не пойдет.

Белосельцев перевел на меня взгляд, полувопросительно-полуутвердительно пробормотал: «Мария?..» – и я машинально кивнула в ответ. Сергей Георгиевич покачал перед собой сцепленными в замок пальцами обеих рук и, наконец-то решившись, заговорил.

Глава 2

– Я бывший преподаватель медицинского института. Собственно говоря, я давно уже там не работаю, лет восемь… Мне удалось наладить свое дело… У меня есть коммерческая жилка, хотя по мне, верно, этого не скажешь. Но это не суть важно.

Так вот, до поры до времени моя жизнь складывалась удачно: я начал зарабатывать деньги, я наконец-то сумел сделать в доме ремонт. Перестали приходить соседи снизу с воплями, что у меня опять прорвало трубу и что я их заливаю. Но у бедного доцента мединститута – одни проблемы, а у не очень бедного совладельца мебельного салона – совсем другие. Это мне пришлось уяснить.

Расскажу немного о себе. Это важно. Я женат. Моя жена, Нина Алексеевна, домохозяйка. Она вышла на пенсию в сорок пять лет, она у меня тоже врач по образованию, но – рентгенолог. Вредность, сами понимаете… да у нее изначально здоровье было не очень крепкое. И сердце, и нервы, а в последнее время она вообще не спит… и есть, есть тому причины! (Гость провел рукой по всклокоченным волосам, но пауза против ожидания оказалась совсем короткой. Кроме того, у нас есть сын… то есть… – Он вонзил в меня какой-то дикий взгляд, словно перепугавшись, что он не то сказал, а я превратно его истолкую: – …у нас сыновья. Были… поскольку Дима умер, а Рома… он в армии был, а потом… (Судорожный вдох.)

Я спокоен, спокоен. Так вот… у нас были сыновья-близнецы: Роман и Дмитрий. Внешне были похожи как две капли воды, а вот в умственном развитии… Дело в том, что… у Димы была задержка в умственном развитии. Родовая травма, он родился первым. Он проходил периодическое лечение в клинике соответствующего профиля. А Рома… Рома родился… нормальным. Моя жена говорит теперь, что весь ум нашей семьи достался именно ему, Роману. Наверно, он перекачал весь наличный ум, как вампир – кровь, и мы все разом поглупели: я, Нина, – Сергей Георгиевич мучительно закашлялся, приложив к губам платок, – ну, и Дима – с самого начала.

В детстве было практически незаметно, что Дима в чем-то уступает Роме. Быть может, только более угрюм, застенчив… ну, и – периодические приступы неконтролируемой агрессии. Как говорится, сын сапожника – без сапог, так вот и у двух медиков ребенок с осложнениями…

– Продолжайте, мы внимательно вас слушаем, – выговорил Родион Потапович, когда Белосельцев снова закашлялся, словно поперхнувшись словом «осложнения». – Вы ведь сами врач, знаете, что перед врачом не стесняются. Только врач лечит телесные заболевания, а мы – социальные.

Сергей Георгиевич кивнул, что он, дескать, все слышал и что он продолжает нелегкий свой рассказ:

– Одним словом, в пять лет два моих сына стали резко расходиться в развитии: Рома пошел вверх, набирая знания и развиваясь очень быстро, а Дима так и остался на уровне первых букв алфавита и с умением считать до пяти. Когда они пошли в школу, мы отдали их в разные классы. Даже в разные школы! Роман уже читал сочинения Жюля Верна, он вообще очень любил приключения и фантастику, а Дима продолжал рисовать в тетрадях солдатиков. Он три раза оставался на второй год в первом классе, а писать с грехом пополам научился только к одиннадцати годам. Да и как писать – кривыми печатными буквами! И самое страшное, что при этом Рома и Дима были похожи как две капли воды! Нет, конечно, мы с женой различали их, а посторонние могли различить их, только пообщавшись с ними. Мы жили тогда в Воронеже и в Москву переехали несколько лет назад, со смертью моей тещи и моего тестя. В освободившуюся квартиру.

Родион чуть наклонился вперед. В его глазах мерцали сухие искорки зарождающегося интереса.

– А они действительно были похожи как две капли воды, – продолжал Сергей Георгиевич, – и часто из-за этого страдали. К примеру, когда Рому принимали за Диму… ему кричали: «Эй, дурачок! Ты, дегенерат!» (Щеки Белосельцева дрябло подпрыгнули, он снял очки и стал протирать их платочком, потом криво нахлобучил на нос.) А Рома был очень вспыльчив по натуре, к тому же он занимался карате и вообще был сильным, и потому однажды отправил в больницу двоих вот таких крикунов. И мне пришлось приложить много усилий, чтобы Роман не пострадал. А то его могли отправить в колонию. И отправили бы… но… но…

– Что – «но»? – еще больше наклонился вперед Родион.

– Вы не скажете никому?..

– Мы профессионалы, уважаемый Сергей Георгиевич, – выговорила я. – Вы можете быть совершенно уверены. Из этого кабинета ни одна тайна еще не уходила.

– Хорошо. Я вам верю. Я предъявил в милицию документы Димы. Как будто это он… как будто это его рук дело – те двое… вот так.

– И что было дальше?

– Диму отправили в стационар на обследование и лечение, – тихо ответил Сергей Георгиевич. – Ну что ж… он не раз там бывал: он проходил периодическое стационарное лечение. Целый комплекс заболеваний, осложненных… да нет, спровоцированных родовой травмой. И самое страшное, что Дима вел себя как совершенно нормальный человек. Да, он слабоумный. Да, он писал слово «корова» с тремя ошибками. Но он все понимает. Понимает и – страдает. Точнее – страдал…

– Вы говорили, что он умер. И как же?.. – спросил Родион. – Когда?

– В тот самый год, когда я отправил Рому в Москву к бабушке и дедушке, родителям моей жены, – ответил Белосельцев. – Он прыгнул с третьего этажа. Нет, тогда он выжил. Но дело в том, что он повторил свою попытку. Это было ровно две недели назад. Травмы, не совместимые с жизнью. Конец.

– Это было в период неконтролируемого состояния Дмитрия, или вы думаете, что это был сознательный суицид?

– Второе… Но это – мое личное мнение. Сейчас уже нельзя, да и не нужно устанавливать истину. Дима мертв, он похоронен в Воронеже, так хотела Нина, моя жена, и не надо больше говорить о нем, о Диме. Речь пойдет о Романе.

Я говорил, что отправил его к бабушке и дедушке. Потом их не стало, в одну неделю буквально не стало… Они жили душа в душу и не представляли себя друг без друга. После их смерти мы с женой тотчас же переехали в Москву. Мой покойный тесть был военным, и у него были хорошие связи в столице, так что мне удалось удачно устроиться на работу, а потом и открыть свое дело, которое пошло в гору. Роман же поступил в университет. Он не хотел заниматься медициной, как ему советовали. Он пошел на математический. Это было шесть лет назад. Проучился семестр. И вот тут начались странности.

– Что за странности?

– Дело в том, что у Романа блестящие математические способности. Он еще в детстве умел перемножать в уме приличные такие, знаете ли, числа.

– Ну что ж, это не такая уж и редкость.

– Согласен с вами. Но тут другое. Дело в том, что его взяли на факультет без экзаменов, он был победителем всероссийской математической олимпиады. А таких, вы знаете, берут без экзаменов.

– Да, это мне известно.

– Первый семестр Роман закончил блестяще. А потом его вдруг отчислили. Понимаете? Ни с того ни с сего. Я пытался с ним крупно говорить, даже повышал на него голос, что я себе позволяю очень редко, но он замкнулся в себе и молчал. Я пошел разбираться в деканат его

факультета. Там мне тоже ничего вразумительного не сказали: дескать, отчислили по дисциплинарному несоответствию. Что уж он там такого натворил, я не стал узнавать, потому что…

– А вот это зря, – перебил его Шульгин.

– Что – зря? – после паузы выговорил посетитель.

– Зря не узнали, что он натворил. Теперь-то уж за давностью и не раскопают. Но это я так, соображения вслух. Извините, что перебил. Продолжайте, Сергей Георгиевич.

Посетитель беззвучно пошевелил губами, словно репетируя то, что следует говорить дальше, и вымолвил:

– Романа отчислили, а вскоре его забрали в армию. Конечно, я противился этому. Только что закончилась первая чеченская, а моего сына – в армию. Понимаете? Конечно, мы с женой были резко против, я хотел воспользоваться старыми связями моего тестя, чтобы, как говорит молодежь, отмазать сына от забривания под ружье.

– Удалось?

Сергей Георгиевич снова пошевелил толстыми губами и уронил короткое:

– Нет.

* * *

– Нет, – повторил Сергей Георгиевич, – его забрали в армию. У жены случился инфаркт, и она слегла в больницу – все это после того, как Рома сообщил нам, что ему велено явиться на сборный пункт, с которого их отправляют по местам службы. Он сказал это нарочито спокойно, но я видел, что его немного трясло. Он честно нам сказал: служба его не пугает, а если так получилось, то надо идти. Конечно, два года на ветер, сказал Роман, но какую-то пользу это все равно принесет. «И в любом случае, – добавил он, – лучше, как я: выгнали, прислали повестку – и в армию, чем как этот». – Он называл Диму не по имени, не «брат», а – «этот». И Роман сказал, что уж лучше в армию, чем, как Дима, – призыву не подлежит, раз в год куковать в стационаре на очередном курсе лечения и работать уборщиком в детском саду. Это Дима так устроился на работу, за гроши, конечно, но он даже гордился, что сумел устроиться на работу самостоятельно. Он вообще любил детей. Он сам как большой ребенок, только не такой, как остальные. И начисто лишенный детской жестокости. А вы, разумеется, знаете, что нет более жестоких существ, чем дети.

Родион кивнул, всем своим видом показывая, что он ждет продолжения рассказа, в котором по существу пока что ничего сказано не было. В том смысле, что ни я, ни босс еще не ухватили, с какого боку потребовалась этому странному экс-врачу, а ныне бизнесмену, наша помощь.

– Вы ведь знаете, сколько служат в армии?

– Конечно. Кто год, кто два.

– Правильно. А вот Рома служил и не год, и не два. Он служил пять лет.

И Сергей Георгиевич, скорбно склонив голову набок, воззрился на меня, а потом скосил глаза на Родиона Потаповича.

– Пять лет? – наконец спокойно переспросила я. – А вы все это время были в курсе того, где он находится? Он вам писал?

– Ну да, конечно. Писал, – после паузы выговорил Белосельцев, кривя рот. – Писал. Все пять лет. Такие странные…

– Что?

– Я хотел сказать, странные объяснения он приводил в письмах, почему отсутствует пять лет, – произнес Белосельцев, но я подумала, что с его губ готовы вот-вот сорваться совсем другие слова, но нет – сдержался.

– Пять лет можно отсутствовать, к примеру, служа в армии на контрактной основе, – подал голос Родион.

– Вот то же самое он и твердил. Дескать, он служил в контрактной армии. Что он воевал и получил за это неплохие деньги. Хотя везде говорят, что в нашей армии даже контрактник не может заработать хороших денег, – осторожно проговорил Белосельцев.

– Ну почему же? Всякое бывает… – отозвался Родион Потапович. – И когда он вернулся из армии?

– Недавно. Около двух месяцев назад. Спокойный. Равнодушный даже. Кто после армии, после «горячих точек», тот совсем по-другому себя ведет, когда демобилизуется. Обычно пьют по месяцу, чтобы войти в гражданскую жизнь. А Роман не так поступил. Он сразу же восстановился в университете, на заочное отделение, устроился на работу, аккуратно стал отдавать какую-то часть заработанных денег нам с матерью…

– По-моему, надо беспокоиться тогда, когда сын поступает как раз наоборот.

– Нет, к поведению его не придерешься. Другое дело, что он стал совершенно непробиваем эмоционально. Даже когда сообщили о смерти Димы, который жил в Воронеже…

– Один? – резко спросил Родион.

Сергей Георгиевич отвел глаза и тихо произнес:

– Да. Он говорил, что хочет остаться, что в Москве он умрет. И мы его оставили в Воронеже. Тем более что он мог себя полностью обслужить, а припадки неконтролируемой агрессии у него прекратились. К тому же за ним присматривали мои хорошие знакомые…

– О них позже! Вы, кажется, хотели сказать о реакции Романа на сообщение о смерти его брата, жившего в Воронеже. Не так ли?

Белосельцев сглотнул, и его взгляд метнулся от меня к Родиону и обратно.

– Роман сказал: «Бедный дегенерат». И закрылся у себя в комнате. Я думал, он переживает, заглянул к нему, а он лежал на диване, пил сок и смотрел какую-то передачу… «Своя игра», что ли.

– Есть такая передача.

– Конечно, мне и Нине Алексеевне его поведение не понравилось: такое горе, а ему словно бы все равно. Роман, наверно, повидал столько смерти и горя, что его перестало это трогать. Даже родной брат…

– Да, после армии многие возвращаются другими людьми, – сказала я. – Особенно те, кто воевал. Но все это еще не повод, чтобы прийти к нам. Что же произошло?

– Беда никогда не приходит одна, – сказал Сергей Георгиевич, – никогда. По крайней мере, на моей памяти. Пришла беда – отворяй ворота. Через три дня после похорон Димы… мы только что вернулись из Воронежа… еще одно: исчез Рома. Исчез, пропал. И уже неделю его нет как нет.

Родион не отрывал взгляда от Белосельцева. Тот продолжал своим глуховатым голосом:

– Если бы он просто пропал, если бы его… я не знаю. Но все дело в том, что кто-то уже неделю звонит нам и молчит в трубку.

– Роман?

– Но зачем ему это? Хочет загнать нас с матерью в гроб? Что ему от нас… Нет, я не думаю, что он…

– Понятно, – мягко подхватила я. – Сергей Георгиевич, сколько, вы говорите, прошло с момента исчезновения Романа?

– Неделя.

– И звонки начались примерно тогда же?

– Да.

– Значит, вы уверены в том, что это напрямую связано с исчезновением вашего сына?

– Да. По крайней мере…

– Договаривайте!

– …так думает моя жена. Она убеждена, что эти звонки и молчание в трубке… – Белосельцев оборвал сам себя, глухо кашлянул и снова приложил к губам платок.

– Вообще периодические звонки с молчанием в трубке – очень сильное психологическое оружие. Особенно если нервы на пределе. А тут еще и сильнейший стресс… возвратились с похорон, – пробормотал Родион себе под нос. Белосельцев, кажется, даже не расслышал. Босс спросил, на этот раз уже громко и отчетливо: – Ваша супруга убеждена в том, что это звонят похитители Романа или люди, каким-то образом с этим связанные?

– Да. Она говорит даже, что это может быть и сам Роман. Или… или…

– Что – или?

– Ведь есть такая сфера, где ни один человек… ничего… где бессилен любой?

Белосельцев покачал головой и продолжил:

– Дело в том, что сейчас уже доказано, что можно сообщаться с потусторонним миром…

– Ничего подобного не доказано!

– Для человечества в целом – быть может. А вот моя жена уверила себя в том, что по телефону звонит нам… Дима. Да, Дима.

Родион откинулся назад, на спинку кресла:

– Ну, знаете ли, Сергей Георгиевич! Я вполне допускаю, что ваша супруга так думает – она уверила себя в невозможном. Наверно, у нее расшатаны нервы. Но вы, как разумный и образованный человек, не можете склоняться к такому объяснению, которое к тому же никак не мотивировано.

Белосельцев кивнул:

– Да, разумеется. Я тоже ей говорю, чтобы она перестала сама себя накручивать этими глупыми мыслями, но это бесполезно. Еще несколько дней, и она окончательно сойдет с ума. Эти звонки ее доконают. Доконают, понимаете? Вот поэтому я и пришел к вам, поэтому я и готов заплатить любые деньги, только помогите. В милицию обращаться я не могу…

– А это почему, собственно? – тихо и вкрадчиво спросил Родион. – Мне кажется, вполне могли бы. Нет, мы постараемся вам помочь, возьмемся за это дело, но все-таки исчезновение человека – это в компетенции милиции.

– Просто я видел, какие там служат! – резко выговорил Белосельцев. – Кроме того, у меня есть одна причина не связываться с милицией и им подобными. Я вам ее открою только после того, как мы подпишем все документы… ведь у вас так полагается?.. И вы обязуетесь ничего не разглашать.

Родион Потапович прищурил глаза и наконец согласно кивнул…

Глава 3

Когда все формальности были утрясены, Сергей Георгиевич попросил сигарету. Белосельцев несколькими затяжками выкурил ее до самого фильтра, три или четыре раза закашлявшись, и только после того, как окурок был раздавлен нервными пальцами экс-медика в бронзовой пепельнице, мы услышали:

– Есть один документ, при одном воспоминании о котором я немею. Я несентиментален. Я не могу назвать себя чувствительным человеком. Но эта бумага здесь, во внутреннем кармане пиджака, и без преувеличения могу сказать – она жжет мне сердце…

И он вынул из кармана продолговатый конверт и протянул мне. Я, не открывая конверта, подошла к столу босса и положила перед Родионом.

В конверте оказалась сложенная вчетверо бумага. Босс покрутил ее в руках, не разворачивая. Потом Родион Потапович развернул лист, и в то же самое мгновение наш посетитель вдруг вскочил с дивана. Мелькнули всклокоченные волосы, блеснул из-под очков горящий безумной тревогой взгляд, и, резко скакнув вперед, он оказался прямо перед боссом. Но в следующую секунду я достала Белосельцева. Сработал отлаженный рефлекс, и посетитель был отброшен на диван, а я погрозила ему пальцем и выговорила ледяным голосом:

– Будете барахтаться в том же духе, уважаемый, – наживете проблемы. Кажется, мы слушали вас спокойно. Родион Потапович, – повернулась я к Шульгину, который безо всякого выражения на лице рассматривал внезапно взбрыкнувшего Белосельцева, – может…

– Не «может», – оборвал меня Родион Потапович, – не «может»! Никаких «может», Мария, договор подписан, аванс внесен и все согласовано, а что Сергею Георгиевичу вдруг вздумалось помешать мне прочитать бумагу, им же самим мне врученную, так это все нервы, нервы. Наверно, нашему новому клиенту никогда прежде не доводилось попадать в такие ситуации, вот он и не сдержался.

Честное слово, редко когда мне удается распознать, говорит ли босс на полном серьезе или же иронизирует. Такая уж у него манера шутить.

Тем временем наш экспансивный клиент, скорчившийся на диване, медленно поднялся, попытался разгладить мятый пиджак, наверно, забыв, что тот изначально был мятым, а не помялся при неловком падении. Белосельцев поправил покосившиеся очки и выговорил виноватым тоном:

– Простите, я не хотел… Честное слово, не знаю, что на меня нашло. Как будто кто-то шепнул мне в ухо, что, дескать, нельзя давать никому читать… Словно током ударило. Глупость какая, правда?

– Правда, – сказал Родион. – Ничего страшного, Сергей Георгиевич. Мы с Марией привыкли к странному поведению иных посетителей. Был тут один мужчина, так он вообще повел себя страннее некуда: пришел, сел на диванчик да и умер.

– На к-какой… диванчик? – выдохнул Белосельцев.

– Да вот на тот, на котором вы сейчас сидите, – с деланной беспечностью ответила я за Родиона.

Белосельцев подскочил, словно его ужалили в мягкое место.

– Не нервничайте, Сергей Георгиевич, – ободрила его я. – Вы ведь владелец мебельного салона? Так вы ко всякой мебели должны быть привычны.

– Более чем сомнительное утверждение, – отозвался со своего места мой босс, отрываясь от чтения таинственного листа. – Если так рассуждать, то владелец похоронного бюро должен отлично высыпаться в любом гробу. Но мы отвлеклись. Взгляни, Мария. По-моему, очень любопытный документ. Откуда он у вас, Сергей Георгиевич? Я так понимаю, не из семейного архива, если вы так волнуетесь, говоря о нем?

– Его подложили мне в почтовый ящик, – глухо отозвался Белосельцев, глядя в пол.

– В почтовый ящик, – машинально повторил за ним Шульгин, протягивая бумагу мне.

Я взяла и глянула…

Я ожидала увидеть все, что угодно. Распечатку на принтере с угрозами убить, выпотрошить или сделать кастратом, финансовым или физическим.

Но моим глазам открылась полная бессмыслица. Кривыми печатными буквами было написано следующее:

«Наверна это потому, што, я такой глупый. Я помню кагда еще в школе я рисавал салдатеков в пропеси а учитиль сказал што я придурак потомушто нужно не рисавать а писать буквы. Ты еще сказал мне што с тех пор я непоумнел и что я никогда неперестану ходить на могилу катенка которово ты случайно убил насосом для сваей машины. Ты еще гаварил, што, я как последняя баба плакал и просил палажить ему мертваму катенку, который, штобы у него была рыба и малако. Ведь людям пакойникам кладут на магилы жолтыи и синии яйцы и цветы а одна, карова, жевала. Значыт это можно есть…»

Я не дочитала до конца. Тяжело было разбирать эти каракули. Тем более что я не видела смысла дочитывать. Я подняла недоуменный взгляд на нашего клиента и спросила:

– Я так понимаю, что это рука вашего сына Димы? Так, Сергей Георгиевич?

– Да, – ответил он хрипло.

– На самом деле это куда более любопытный документ, чем ты можешь представить себе, Мария, – сказал Родион Потапович.

Впервые за все время разговора с Белосельцевым он поднялся из-за стола и, подойдя ко мне, отобрал у меня лист с кошмарными каракулями. Внимательно разглядел его сначала простым глазом, а потом вооружившись мощным увеличительным стеклом.

– Всему этому, конечно, требуется тщательная экспертиза, – выговорил он наконец. – И я так понимаю, Сергей Георгиевич, что с этим письмом, адресованным вам, связаны какие-то факты, которые особо вас ужаснули. И которые вы еще не успели довести до нашего сведения.

Сергей Георгиевич Белосельцев заговорил быстро и горячо, словно его прорвало:

– Да, это правда, правда… Это письмо действительно написано ЕГО рукой, но у меня не укладывается в мозгу, как это могло произойти. Ведь я обнаружил это в почтовом ящике два дня назад. Честно говоря, я чуть с ума не сошел, когда это прочитал. Потому что это действительно писал Димка. Но ведь он умер, умер! А тут описаны подлинные… подлинные события! Про котенка я говорил ему много лет назад, и никто, кроме меня и его, ничего про этого котенка не знал. Я действительно случайно убил насосом котенка, я не хотел… Я плохо вижу, никогда в жизни не мог с метра закинуть в мусорное ведро какую-нибудь гадость, всегда промахивался… а тут вдруг попал в живое существо, да так, что насмерть! Димка ревел, конечно, а я стыдился его утешать, я с ним говорил холодно… вот то, что тут написано, и говорил. Но самое… самое страшное не это… Дело в том, что в этом письме упоминаются события, о которых Дима знать не мог. А что тут его рука, в письме, я уверен! Уверен!

– Почему он не мог знать о тех событиях, о которых вы говорите, и что это за события? – спросил Родион.

– Не мог, – тупо повторил Белосельцев.

– Почему?

И тот ответил:

– Потому что они произошли уже после того, как Дима умер. А кое-какие – даже после исчезновения Романа, а это было совсем недавно.

– А именно?!.

– Вам, наверно, показалось бессмыслицей, в частности, то, что тут сказано про корову, которая жевала цветы, и про желтые и синие яйца. Так вот, на кладбище, где мы хоронили Диму, была какая-то полусумасшедшая старуха, которая клала на могилу яйца, приговаривая,

что, дескать, Пасха… хотя какая Пасха осенью? Она приволокла с собой корову, которая едва не съела один из венков для Димы. Все это нельзя не запомнить, не правда ли?

– Да уж…

– Тогда вы легко меня поймете, когда я встречаю в этом письме, жутком для меня само по себе, такие страшные… указания. – Белосельцев смахнул со лба крупные капли пота. Пальцы конвульсивно комкали платок. – Но это еще не все. Там есть слова… про человека-невидимку. Про подоконник. В самом конце…

Я выхватила у Родиона письмо, не обратив внимания на его протестующее замечание, и прочитала то, что за несколько минут до того я просмотреть поленилась:

«Ты сказал мне папа, што, ты мне гаварил я постоянно в детсве сгонял с падаконика чилавека нивидимку. Я его боялся плакал и говорил, што, кагда я адин и начинаю хатеть спать он подходит комне и кладет халодные пальцы, на мою, наголову и приговаривает: не спи замерзнешь тупой дурачок. А нидавна я увидел иво на падаконике и толкгнул. Все ночь выли пад акном и по асвальту были крававые пятны. Он тоже гаварил, што, я длинное слово ты гаварил низапомню. Дигинират».

– Значит, и этому есть какое-то фактическое подтверждение, так? – выговорила я.

– Совершенно верно, – ответил Белосельцев. – И еще какое подтверждение!

– Только не говорите, что это подтверждение «мокрое», – пробормотала я себе под нос, но на этот раз Белосельцев, кажется, услышал. Он даже качнулся в мою сторону и сказал:

– Я точно не знаю, что значит «мокрое»… С бандитами я не вожусь, сериалов про ментов не смотрю… Вообще они у меня почему-то… не того… не очень. Но, кажется, «мокрое» – это связанное с убийством. Так вот, вы почти угадали, если я правильно понял значение слова «мокрое».

– Вы правильно поняли. И что же?

– Дело в том, что в моем доме, непосредственно под нами, жил некто Владлен Моисеевич Горовой. (При этом имени Родион Потапович притянул к себе ноутбук и раскрыл его.) Он не всегда появлялся дома, поскольку часто оставался ночевать на работе, но… четыре дня назад Владлен Моисеевич был у себя дома. Я это знал, он мне позвонил, точнее, не мне, а моей жене… он был с ней знаком через своего покойного отца, моего бывшего тестя. В чьей квартире мы сейчас, собственно, и живем. Вот… он… этот Горовой… эх-м…

Родион, который сидел перед экраном ноутбука, глянул на него исподлобья:

– Ну? Что дальше, Сергей Георгиевич? Что вы замолчали? Вы никак не можете выговорить то, что этого Владлена Моисеевича Горового нашли рано утром под окном своей – да и вашей! – квартиры, в палисаднике? Ведь, кажется, вы упомянули, что он жил точно под вами.

– Да, но… Вы это… откуда вы знаете? Откуда вы знаете, что… я же еще не успел сказать.

– Это очень просто, Сергей Георгиевич, – устало выговорил Родион, поднимая лицо от ноутбука. – Гораздо проще, чем вы думаете.

– Вы нашли это в компьютере? У вас есть доступ к какой-нибудь базе дан…

– Ни слова больше, Сергей Георгиевич, – неторопливо, но властно сказал Родион, – ни слова. Мои методы работы и источники информации не имеют для вас никакого значения. Этот Горовой выпал из окна четыре дня тому назад. Вы предполагаете, что в подкинутом вам письме имеется в виду именно это?

В моей памяти тут же всплыли строки: «…подходит комне и кладет халодные пальцы, на мою, наголову и приговаривает: не спи замерзнешь тупой дурачок. А нидавна я увидел иво на падаконике и толкгнул. Все ночь выли пад акном и по асвальту были крававые пятны». Я вскинула голову на Белосельцева: он сидел бледный, глядя прямо перед собой и сжав губы так, что они превратились в одну жесткую серую линию.

– Именно это?.. – повторил Шульгин.

– Да, я так думаю, – быстро сказал Белосельцев, – да-да, я так думаю. Там есть указание: всю ночь выли под окном, а я как раз в ночь смерти Горового не мог уснуть. Выла какая-то собака. Все жилы вынимала своим воем. Раньше мне и стая волков не помешала бы заснуть, а теперь, знаете ли… Теперь не тот стал. Вчера, кстати, были похороны Владлена Моисеевича. Народу было… да, много народу. Он был очень уважаемый человек.

– А кто конкретно?

– А вот этого я не знаю.

– Этот Владлен Моисеевич Горовой, вы говорите, знаком с вашей семьей?

– В основном с женой. У них не могло быть никаких общих интересов, потому что он был стар. Ну, не очень, но гораздо старше меня, по крайней мере…

– Ему ровно семьдесят лет, – сказал Родион. – Точнее, должно было исполниться в октябре, если я верно высмотрел дату его рождения.

– Да, он был старый, – подтвердил Сергей Георгиевич, – это правда. Я уже говорил, что он был то ли коллегой, то ли другом моего покойного тестя? Или и то и другое вместе?

– Да, вы упоминали что-то… Не так определенно, правда, как хотелось бы, но все же упоминали. Вот что, Сергей Анатольевич… – задумчиво начал Родион. Путаница в отчестве ясно указывала на то, что это дело уже засело в курчавой голове моего босса. – Вот что, Сергей… гм… Леонидович, – повторил он через десять секунд, и тут я перебила его, чтобы помешать ему обозвать Белосельцева «Сергеем Митрофановичем», быстро проговорив:

– Сергей Георгиевич, насколько я понимаю, вы хотите, чтобы никто не знал о том, что ведется расследование? Можете не отвечать. Все устроим наилучшим образом. Даже ваша жена не будет ничего знать.

– Нет, она-то как раз должна быть в курсе. Тем более что она и порекомендовала мне обратиться именно к вам, а не в органы.

– Вот как?

– Да.

– Ну что же, это не может не радовать: очень здравое решение, мало вяжущееся с ее неврозами и паранормальными гипотезами о звонках с того света, – негромко заметил Родион.

– Да она вообще очень… здравомыслящая женщина. Вы сами убедитесь в этом. Я не знаю, как именно у вас ведется расследование, но… я так полагаю… наверно, вам потребуется зайти ко мне домой… правильно?

– Совершенно верно, – сказал Родион. – И это сделает как раз Мария.

– Когда, босс?

– Да я так полагаю, что тянуть нечего. Сейчас. Более того… быть может, ей придется остаться у вас ночевать, Сергей Георгиевич.

Тот закивал. Я бросила на Шульгина пристальный взгляд и поняла, что босс хотел остаться один и тщательно поразмыслить над имеющейся в его распоряжении информацией. Прибегнуть к каким-то каналам сбора сведений, известным только ему. У Родиона Потаповича была привычка не раскрывать до конца методы работы, причем это распространялось на всех людей без исключения. Даже на меня.

* * *

Белосельцев жил недалеко от центра Москвы в старом доме сталинской постройки. Квартира его располагалась на пятом этаже, а под ней, соответственно, находилась квартира Горового. Белосельцев же сказал, что покойный жил непосредственно под ними.

Говоря о том, что новая, более денежная жизнь позволила в кои-то веки сделать ремонт в своей квартире, Сергей Георгиевич не погрешил против истины. Квартира в самом деле была

ухоженная, несмотря на внушительные размеры, с высоченными потолками и очень уютная, этакое семейное гнездышко.

Нина Алексеевна Белосельцева выглядела очень молодо и меньше всего походила на ту нервную, испуганную, убитую горем женщину, которую описал мне ее муж. Не приглядываясь, ей можно было дать не более тридцати пяти, хотя я уже знала, что ей чуть за пятьдесят. Нину Алексеевну сильно молодила прекрасная белозубая улыбка, уложенные в модную прическу волосы без признака седины (красит!); у нее была девическая фигура, стройная, подтянутая. Если она и была убита горем, то не настолько, чтобы быть неспособной следить за собой, как и подобает современной состоятельной женщине.

Впрочем, приглядевшись к тонкой сеточке морщин в уголках больших миндалевидных глаз, к отечности под ними, я несколько переменила первоначальное мнение. И, всмотревшись в выражение этих темных глаз, я ощутила, как приклеенно и неестественно смотрится на этом суровом бледном лице открытая и почти беззаботная улыбка, которой она на правах радушной хозяйки потчевала меня.

Нет, не притворство. Наверно, она просто не хочет выглядеть жалкой в чьих бы то ни было глазах, и это не может не вызывать уважения.

Нина Алексеевна гораздо сильнее, чем считает ее супруг. Впрочем, мужчины всегда склонны недооценивать душевные силы нашего пола.

– Добрый день, – сказала она, протягивая мне руку, – рада вас видеть. Надеюсь, вы сумеете нам помочь, – добавила она.

– Я слишком мало знакома с этим делом, чтобы сказать что-то определенное, – ответила я. – Вы уж извините, что я называю ваше семейное горе так отчужденно: «дело».

– Да нам и не нужны красивые слова сочувствия, – сказала Нина Алексеевна. – Сыты мы ими по горло. Нам нужны действия. Хотя, откровенно говоря, и не знаю, кого звать первым: детектива или священника.

– Нина! – укоризненно выговорил Сергей Георгиевич. – Это же неразумно…

– А я вообще склонна производить на свет все неразумное, если ты еще не забыл! – перебила она мужа.

В ее темных глазах вдруг блеснуло пламя. Да! Это куда более страстная и яркая натура, чем может показаться с первого взгляда.

Последняя фраза Нины Алексеевны – «склонна производить на свет все неразумное!» – вызвала у Белосельцева болезненную гримасу. Горькая память о сыне…

Ведь это Нина Алексеевна родила Белосельцеву сыновей.

– Нина Алексеевна, – сказала я ей, – Сергей Георгиевич говорил мне, что это вы порекомендовали ему обратиться к нам. Правильно?

– Почему «порекомендовала»? Я попросила. И конечно, он пошел. Я слышала, что у вашего агентства очень хорошая репутация. А с милицией и, не дай бог, с комитетчиками я бы связываться не хотела. Хватит с меня моего папы, который из-за этой проклятой службы получил три инфаркта, и третий его убил.

– Ваш отец, Алексей… э-э-э…

– Петрович.

– …Алексей Петрович, он работал в милиции?

– Нет, он был генералом КГБ.

– Вот как! – вырвалось у меня. – Ничего себе!

– А что тут, собственно, такого! Знаю, что сейчас все думают: о, генерал КГБ, это значит – денег куры не клюют, вилла на Женевском озере, золото партии и прочая дребедень! Да если бы! Папа был честен. Патологически честен, за что и не любили его. Взяток не брал, служебным положением не злоупотреблял, связями не пользовался, вот и умер в нищете, даже не было у

него денег на операцию, а она могла бы его спасти! А у нас тоже в то время денег не было. Бюджетники, ну что с нас взять? Это сейчас разжились. Вы курите, Мария?

– Да в основном стараюсь воздерживаться.

– А я теперь курю. Муж на что уж табак не переносит, и то с такой жизни закурил. Хорошо, что у него аллергия на алкоголь, иначе и запить недолго.

Нина Алексеевна закурила и, выпустив дым, заговорила горячо и звонко:

– Вы читали то письмо? Впрочем, что я спрашиваю! Я не знаю, как объяснить все это… Это какая-то неимоверная жуть! Я боюсь оставаться одна в квартире, не подхожу к телефону, когда нет дома Сергея, а когда есть, то все равно – он трубку берет, а там… мертвая тишина. Может, вы скажете, что я сумасшедшая? Так вот, Владлен Моисеевич мне примерно то же самое говорил, а сам ни с того ни с сего вдруг взял да и вывалился из окна. А может, помогли. Дворник Журов, который его обнаружил утром, сказал, что в такую холодную ночь створки окна по собственной воле не открывают.

– А вы хорошо знали Владлена Моисеевича?

– Да, конечно. Я его в детстве дядей Владиком называла. Он же в этом доме давно живет. Он с моим отцом знакомство водил.

– Нина Алексеевна, давайте пока о Горовом не будем говорить, попозже эту тему поднимем.

– О Романе, значит?

– Да. Я хотела бы взглянуть на ваши семейные альбомы. Может, вам это будет тяжело, но тем не менее…

– Да, я все понимаю. Сережа, принеси, пожалуйста, из моей комнаты зеленый альбом. Где они маленькие. И еще тот, что Георгий Иваныч нам подарил. Красный. Понял?

– Понял, – пробурчал Белосельцев. – Сейчас принесу. Возьмите ваш кофе, Мария.

– Благодарю.

В зеленом альбоме я увидела фотографии примерно двадцатилетней давности, молодых Нину Алексеевну и Сергея Георгиевича, а между ними – двух мальчишек в одинаковых кофточках, темноволосых, с большими круглыми глазами. Мальчишки были похожи друг на друга как две капли воды. И как я ни пыталась поймать какое-то отличие в выражениях их счастливо-остолбенелых, как у всякого ребенка перед фотоаппаратом, мордочек, ничего не могла найти. А ведь один из них был слабоумным, а второй – тем, кому, по выражению мрачно сидящей тут же Нины Алексеевны, «достался весь ум семьи» Белосельцевых.

– Который из них Дима? – спросила я.

Палец Нины Алексеевны дрогнул, коснувшись личика того из мальчишек, что сидел рядом с ней.

– А я думала, Мария, что вы спросите, кто тут Рома.

Я пожала плечами, продолжая рассматривать фотографии. Пошли более свежие. Нина Алексеевна очертила ногтем одну из фотографий с такой силой, что на гладкой поверхности остался след, и произнесла:

– А это Дима, которым вы интересуетесь больше. Тут ему около четырнадцати лет.

Я вглядывалась в безвольное мальчишеское лицо с опущенными углами губ, с высоким выпуклым лбом и широко поставленными глазами. Надо лбом – хохолок. Черты были правильными и не тронуты какой-либо патологией, но взгляд был настолько мутен и безразличен, так вяло был очерчен чуть приоткрытый рот, что создавалось впечатление: Дима не сознает того, что он видит перед собой. Неосмысленная, неразвитая мимика.

– И как он вам? – тихо спросила Нина Алексеевна.

– Растрепанный, – в тон ей выговорила я первое, что пришло мне в голову.

И вдруг неприятный, тоскливый звук возник где-то в глубине двора, вырос в басовитое рычание, а потом скатился до душераздирающего воя. Мурашки ледяной волной обожгли кожу, и я, едва не выронив из пальцев фотографию, невольно шагнула к окну.

Как тогда, в ночь смерти Горового, упомянутого в накорябанной нелепыми и страшными, как пауки, каракулями таинственной записке, – как тогда, выла собака.

Глава 4

Крупная собака, ньюфаундленд, яро копалась в куче пожухлых осенних листьев. Листья деревьев нехотя совершали свой прощальный полет с раскидистых ветвей, приземляясь на продрогшую от первых заморозков землю. То и дело пара-тройка листочков падали на спину, голову и даже на черный нос огромной собаки.

Кодовый замок щелкнул, тяжелая металлическая дверь, присвистнув, распахнулась, и, будто бы выплюнутый чернеющим зевом подъезда, на крыльце очутился человек. Он выкрикивал скрипящим голосом ругательства, одновременно пытаясь пригладить на голове растрепавшиеся светлые жиденькие волосы и вытащить из заднего кармана брюк пачку сигарет. Последнее, впрочем, удалось субъекту быстрее, так как вихры на его голове, напоминающей по форме помятый чугунок, снова и снова лохматил и ставил дыбом поднявшийся ветер. Неловкими, жадными движениями субъект извлек из сигаретной пачки, как оказалось, последнюю сигарету и поспешно прикурил. Остервенело сминая освободившейся рукой опустевшую пачку, он сделал затяжку, а затем, не глядя, выкинул картонный комок прямо перед собой в палисадник, при этом гордо выставив перед собой одну ногу. Вряд ли, совершая этот опрометчивый жест, стоящий на крыльце подъезда человек мог догадываться о том, что в глубине упомянутого палисадника находилась собака.

Ньюфаундленд прервал свои безобидные забавы с листьями в тот самый момент, когда щелкнул замок на двери подъезда, и теперь внимательным, умным взглядом оценивал представшую перед ним на расстоянии нескольких метров фигуру человека. Собаки этой породы очень умны, чутки, деликатны и отлично поддаются дрессировке. Такую собаку полноправно можно считать другом человека, она понимает абсолютно все, о чем говорят люди, и охотно сама вступила бы иной раз в разговор, но… стесняется. Привольный жест человека на крыльце ньюфаундленд расценил вполне объективно, как учил его хозяин, – «апорт», и, медленно перебирая большими лапами, направился к картонному комку, который еще пару минут назад был пачкой от сигарет.

Субъект с выдвинутой ножкой выкурил половину сигареты, как вдруг его взгляд наткнулся на огромную черную собаку, показавшуюся из кустов палисадника. Хитро прищуренные и без того узкие глаза человека недобро блеснули. Он судорожно перехватил сигарету в другую руку, на которой недоставало двух пальцев, отчего она весьма смахивала на клешню. При ближайшем рассмотрении легко можно было понять, что это врожденное уродство. Ньюфаундленд степенно приближался к картонному комку, то и дело вскидывая большие грустные глаза на человека, как вдруг остановился, навострив уши, потому что в следующую секунду парень заорал как оглашенный:

– А ну, пошел отсюда, черный ублюдок! Куда прешь, тупая тварь?

Молниеносно парень с перекошенным в злобной ухмылке лицом присел на корточки и поднял что-то с асфальта у крыльца, после чего быстро вернулся в исходную позицию. Собака некоторое время еще постояла на месте, не отводя глаз от человека, и, убедившись, что тот перестал орать, пошла дальше к скомканной пачке.

Парень снова усмехнулся и, докурив сигарету, бросил «бычок» прямо перед собой, как несколько минут назад поступил с пачкой.

– Ты че, не поняла, псина вонючая? – гнусно улыбаясь, произнес он, причем выяснилось, что у него не хватает двух зубов. – Совсем тупая, что ли, сука?

Собака поняла, что к ней обращаются, и обращаются явно невежливо, но особых причин для агрессии у нее пока не было, поэтому, приблизившись еще на полметра, она ловко закусила большими белыми клыками смятую сигаретную пачку и уверенно двинулась возвращать потерю незнакомцу.

Лицо парня расплылось в еще более гнусной улыбке, он осторожно повернулся вполоборота к двери подъезда, нажал нужные кнопки, сработал код, и дверь приоткрылась.

– Ах, какая умная собачка, принесла мне пачку! – Он довольно захохотал, восхищаясь, видимо, собственным талантом стихосложения.

После произнесенной фразы парень, хромая на одну ногу, начал робко спускаться с крылечка и, остановившись на нижней ступеньке, снова выкрикнул:

– Ну что, скотина тупорылая, не поняла меня, значит? Я тебе что сказал, тварь? У-бирай-ся-а! А ты что сделала, сука? Не уб-ра-ла-а-а-сь! – нараспев гнусавил парень, переступая при этом с искалеченной ноги на здоровую и корча страшные гримасы.

После этой гневной тирады недоделанное существо трусливо попятилось к приоткрытой двери подъезда, так как обруганный ни за что ни про что ньюфаундленд был уже в метре от него. В следующий момент он быстро достал что-то серое из-за спины, кинул в собаку, затем, хохоча, ворвался в подъезд, с грохотом захлопнув за собой железную дверь.

Пес не знал, в чем он провинился и за что ему это сделали. Он некоторое время еще стоял на ногах, потом как-то обмяк всем телом, попытался залаять, но вместо этого жалобно заскулил от боли.

Хромоногого урода, доблестно швырявшегося камнями в собак, звали Евгением Наседкиным. Но все его соседи, которые, разумеется, прекрасно знали, что Евгений – это сокращенно Женя, тем не менее, словно сговорившись, звали его словом из четырех букв на «ж», и вовсе не «Женя». Впрочем, нельзя сказать, что он того не заслуживал. Во-первых, это был враль, каких свет не видывал. Например, он утверждал, что пальцы потерял на войне, там же от ранения у него появилась хромота.

Никто рассказам о ранениях особо не верил, но и опровергнуть не могли, поскольку единственный человек, который знал, что Наседкин уродом родился, жил не в Москве вовсе, а в селе Новые Бурасы, что в Саратовской области.

Во-вторых, люди с физическими недостатками даже в наше жестокое время обычно вызывают сочувствие. Но только не бравый Наседкин. Он вызывал такую устойчивую неприязнь своим хамством, что каждый почитал бы своим долгом пнуть наглеца хорошенько, если бы… Одним словом, трогать его не рисковали, потому что при малейшей царапине на своей лоснящейся физиономии Наседкин бежал в суд и подавал иск о причинении ему тяжких увечий, от которых он стал инвалидом. Знакомства у него где надо, судя по всему, имелись, потому с ним предпочитали не связываться: себе дороже.

В-третьих, будучи сам от горшка два вершка – как говорят в таких случаях, метр с кепкой на коньках, – этот индивидуум жил с женщиной на двадцать лет его старше и примерно на десять сантиметров выше. Нет, она не была его мамой. Его-то мама жила в упомянутых Новых Бурасах, хотя сам он утверждал, что она переехала на ПМЖ в Токио, потому что имеет глубокие корни среди местного самурайства. Говоря эту чушь, он щурил и без того узкие глазки, чтобы, верно, хоть как-то смахивать на продукт Страны восходящего солнца. Лучше всего тему о токийской матери Наседкина формулировал могучий дворник Журов, который при этом сморкался на свою метлу со словами «япона мать, едри ее в кимоно!».

Женщина же, с которой он жил, была его гражданской женой. Она была озлоблена на весь мир и не общалась даже с родной сестрой, которая жила в доме напротив. Ольга Алексеевна – так звали эту даму – черпала энергию в злобе и ненависти ко всему, что движется. Говорили, что в свое время она разводила на балконе кроликов только для того, чтобы потом их собственноручно зарезать и скормить своему хромоногому приживалу. В последнем она души не чаяла: все-таки молод, знатен (это к вопросу о самурайских корнях) и хорошо зарабатывает (Наседкин работал где-то в милиции внештатником, проще говоря, осведомителем, кроме того, два раза в неделю подрабатывал охранником в каком-то новоиспеченном супермаркете, а на досуге пилил и строгал мебель – уже готовую). Ольга Алексеевна только с ним

находила общий язык во всех вопросах: так, она полагала, что с ее умом и широкими взглядами на жизнь нельзя жить в двухкомнатной квартире, в то время как ее сестра живет в четырехкомнатной, оставшейся от отца. Она злобствовала по поводу того, что сестра не работает, но живет в достатке, в то время как она, Ольга Поземова, вынуждена зарабатывать на хлеб. Проще говоря, почтенная Ольга Алексеевна считала, что всему миру нужно подпилить ножки только потому, что так делает ее хромоногий любезный, портящий мебель.

…Швырнув камнем в собаку, хромоногий осведомитель притаился за дверью, прикидывая, стоит ли ему выглянуть или же этого делать не стоит из опасений попортить последнюю пригодную к эксплуатации ногу. Впрочем, выходить ему все равно нужно, потому что он собирался в свою ментовку с очередной жалобой – проще говоря, стучать.

Наседкин выполз из подъезда и боязливо огляделся. Собака сидела и лизала ушибленное место. «Самурай» подбоченился и, подобрав с земли палку для самообороны, приставными шагами поспешил мимо собаки. Впрочем, тут ему пришло в голову, что у него с собой газовый пистолет, так что бояться ему совершенно нечего. Он швырнул палкой в собаку и вынул пистолет. Теперь ему хотелось, чтобы собака напала на него: он уже предвкушал, как будет рассказывать своим ментам бредни о том, как на него напали три громадных пса, верно, натасканных ЦРУ специально на него.

Впрочем, как раз в этот момент из подъезда вышла крупная женщина с сумкой, в которой бултыхался зонтик. Это была председательша жилкооператива, которая и являлась хозяйкой черного ньюфаундленда. Увидев ее, Наседкин гаркнул:

– Чего собака без поводка и намордника, мать твою? Тут дети играют!

Ни одного ребенка в данный момент во дворе не находилось, да это Наседкина и не заботило. Было бы что сказать.

– Он у меня никого не тронет, он же ласковый, – хмуро ответила председательша. – А вот ты еще раз собаку тронешь, я тебе…

– Что ты мне? Что – ты – мне? – выставив вперед ногу, словно штатив фотоаппарата, с готовностью наскочил на нее Наседкин. – «Ласковая»! В душегубку таких ласковых надо! Она у тебя бешеная… язык набок!

– На себя бы посмотрел… – пробурчала председательша, спускаясь по ступенькам.

Хромоногому «японцу» нужен был только повод. Он пошел на председательшу, раздувая ноздри:

– Да знаю я, какие вы все тут! Что ты там на меня?.. Че глазки пучишь, дура? «Ласковая»! Да эта ласковая пол-Горового, когда он из окошка ебнулся, чуть не сожрала недавно, хорошо еще, что твой придурочный муж вовремя пришел!

И он захохотал.

Терпение председательши лопнуло. Она наскочила на «самурая» своей массивной грудью и рявкнула:

– А ты бы молчал, чмо! Два года за квартиру не плочено, а он тут выступает, как на митинге! Если завтра не заплатишь, то отключим!..

– Что ты мне отключишь? – пробормотал Наседкин, пятясь и белея от злобы. – Ты мне что… ты мне тут, значит… не…

– Знаешь что!.. – закричала предводительница жилищного братства. – А ну пшел вон отсюда и не маячь! Смеется еще!.. Да тебе плакать надо, гнида!

– Ты у меня еще попляшешь! – кричал Наседкин, убегая. – Да ты еще… да я в вашем гадюшнике жить!..

– Фас!! – крикнула почтенная дама, аж приседая от усердия и отчаянно колыхая всеми своими подбородками. – Чарли, куси это колченогое чмо! Куси, а то мне Ирина Константиновна жаловалась, что этот Жопа учил ее внучку арифметике и бедную девочку оставили на второй год!

– Сука! – огрызнулся Наседкин, стремительно выбегая из арки и запрыгивая на подножку уходящего троллейбуса. Тут он налетел на какую-то старушку, которая мирно стояла у окна, и рявкнул на нее: – Ну что на меня уставилась? Встала на полсалона! Что? Проезд? Какой проезд, не видишь, я ветеран!..

Троллейбус унес брызжущего злобой колченогого уродца до следующей остановки, где Наседкин и был высажен за отсутствием проездных документов и денег. А черный ньюфаундленд Чарли, который и не думал бежать за «японцем», неспешно потрусил к хозяйке.

* * *

Не знаю почему, но безобразная сцена с участием хромого парня и черной собаки, которая завыла от ушиба камнем, привлекла мое внимание. А еще меня заинтересовали выражение лица и взгляд Нины Алексеевны, с которыми она наблюдала за происходящим. Когда же парень, отчаянно хромая, бросился бежать в арку, выкрикивая на ходу грязные ругательства, разносящиеся на весь двор, она сжала побелевшие губы и выговорила:

– Вот уж отродье. Хорошие люди умирают, а эта скотина жив-здоров и другим еще жизнь отравляет.

– А кто это? – спросила я.

– Это… не стоит о нем говорить. Просто урод.

– Это я заметила даже отсюда.

– Сожитель моей младшей сестры, – после паузы сказала Нина Алексеевна, – Ольги. Ольга – несчастный человек. Детей у нее не было, муж ушел лет десять назад… второй. Ольга, конечно, тяжелый человек, по правде говоря – невыносимый, но все-таки такого отребья она не заслуживает. Откуда он взялся, я не знаю. Но только такой наглости я не видела ни у кого. Гнусь невероятная.

– Нина, не надо, не надо, – остановил ее Сергей Георгиевич.

– А что – не надо? – встрепенулась Нина Алексеевна. – Может, именно этот завистливый ублюдок причастен к исчезновению Романа! Может… Ведь помнишь, Сергей, он пришел к нам с наглой рожей, вломился в квартиру, воспользовался, что я была одна. Что он тут нес, боже мой! По его мнению, мы занимаем большую квартиру и что мы вообще зажрались. Дескать, пора нас раскулачить. Он даже на меня с кулаками едва не полез… Да ведь и полез бы, если бы не пришел Роман и не вышвырнул его из квартиры. Прямо вниз по лестнице спустил. Это чмо кричало, скатываясь по ступенькам: «Ты не жилец!» Это он Роману. Рома, конечно, только посмеялся, сказал, что еще раз он попадется на глаза – пусть прощается со второй ногой! – Нина Алексеевна подняла на меня взгляд и добавила: – А потом Рому выгнали из университета и забрали в армию. Вы знаете, Мария, есть такие люди… такие люди страшные, которых я боюсь. Сначала они страха вроде и не внушают, только омерзение одно, как будто ползает под ногами отвратительная слизь, и грех ее бояться или ненавидеть. А потом начинаешь понимать, что стоило бояться, – стоило. Да только поздно уже.

– Что вы имеете в виду, Нина Алексеевна?

Она вздохнула, провела узкой, белой, в кольцах рукой по волосам и выговорила:

– Это сложно объяснить. Вы, верно, уже поняли, что я суеверна?

– Ну, в какой-то мере.

– Так вот… есть такое поверье про дурной глаз. Дескать, зыркнет недобро, и все – пропал человек. Вот у этого урода, у этого… вот у него такой глаз. Ведь я даже боюсь говорить, но… но совпадает. Наобещал он тогда Роману всяких разных гадостей, и Рому забрали в армию. Увидела я его во дворе как-то раз, прохромал мимо и каркнул мне вслед, что у меня неправильная походка и ее нужно немножко подправить. Я тогда смеялась и сказала, что не ему бы говорить о корректировке! И что же вы думаете? На следующий день я поскользнулась и сломала ногу.

– Да. Зимой это было, – тревожно сказал Сергей Георгиевич, прислушивающийся к каждому слову супруги.

– А покойный Владлен Моисеевич Горовой был другом моего папы. Для него Ольга – дочь друга. Он как-то недавно зашел к ней, хромого дома не было, и стал говорить ей, что пора бы одуматься, что негоже позориться, живя с отребьем безродным, моськой подзаборной. А моська тут как тут – прихромала и давай тявкать: тебе, мол, старый хрен, подыхать давно пора, а ты тут людей учишь. И выгнал его, Владлена Моисеевича. А Владлен Моисеевич… он…

– Вывалился из окна, – договорила я. – Н-да… нехорошая история.

Нина Алексеевна как-то странно взглянула на меня и вдруг, наклонившись к самому моему уху, сказала:

– А еще, говорят, незадолго до смерти моих папы и мамы этот урод к ним приходил. Учил жизни…

– Нина! – воскликнул Сергей Георгиевич. – Не говори глупостей! Все это просто совпадения. Этот твой Наседкин – жалкое, завистливое ничтожество, а ты из него демона зла какого-то сделала. Слишком уж ты его возвеличила, много чести.

– Совпадения… – пробормотала Нина Алексеевна. – Только что-то слишком много этих совпадений. Такая тварь… он на все способен. Совпадения… ну, наверно…

– Из всех этих совпадений, однако, можно сделать обобщения, – сказала я. – Нина Алексеевна, напомните, пожалуйста, как зовут вашу сестру и этого… ее сожителя.

– Ольга Алексеевна Поземова она… Это наша девичья фамилия, папина. А он – Наседкин. Евгений, что ли.

– Запомнила, – сказала я. – А теперь давайте досмотрим фотоальбом. Я еще не видела Романа. Желательно – современное фото. Какой он сейчас.

– Есть такое, – глухо произнесла Нина Алексеевна. – Вот, посмотрите.

Я взглянула и увидела на фото настоящего красавца. А я не люблю мужчин такого типа. Они кажутся мне слащавыми. К тому же мне не везло с такими в жизни. Последний красавчик, с которым я имела несчастье познакомиться, оказался полным болваном, картежником и наркоманом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.